

Людмила Лаврова

ХРАНИТЕЛИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Лаврова, Людмила.

Л13 Хранители / Лаврова Людмила. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 448 с. («Лидер Рунета»).

ISBN 978-5-17-179298-5

О мужчинах редко говорят по-настоящему честно.

О том, как тяжело им бывает. О страхе, одиночестве, потерях, ответственности, которую приходится нести молча на своих плечах. О моментах, когда сил почти не осталось, но нужно идти дальше — ради семьи, детей, любимых, ради тех, кто рядом.

«Хранители» — это сборник пронзительных жизненных историй о мужчинах с непростыми судьбами. Каждый из них проходит свой путь через боль, предательство, утраты, ошибки и тяжелые испытания. Но несмотря ни на что, они не теряют главного: достоинства, внутреннего стержня и способности быть опорой для своих любимых.

Это книга не о героях без страха и слабости.

Это книга о настоящих людях. О мужчинах, которые умеют держать слово, брать ответственность, оставаться опорой и находить свет даже в самые темные времена.

Настоящая сила мужчины — в умении оставаться человеком.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-179298-5

© Лаврова Л. текст, 2026.

© ООО «Издательство АСТ», 2026.

Батя

— Иван Иванович, ты бы за своими обормотами присматривал получше! Они у Веры Платоновны опять все цветы вытоптали. Ругаться придет вечером. Пока еще не видала.

— А что так? — Иван усмехнулся в густые, опереточные усы, но головы не повернул, продолжая копать в неведомых непосвященным недрах своей старенькой машины.

— Так к дочери уехала с утра. С внуками помочь. У тебя еще пара часов есть. А потом буря будет.

Татьяна, соседка Ивана, улыбнулась на прощание и ушла. А Иван Иванович подкрутил концы усов, придав им правильное положение, соответствующее ситуации, и вдруг громко свистнул на весь двор.

Перепуганные воробьи шарахнулись с чахлого куста сирени, растущего у гаражей, а два старых кота, которые дремали на солнышке, развалившись на лавочке, пока не занятой старшим поколением двора по улице Мичурина сорок шесть, даже ухом не повели. А зачем волноваться, если это их не касается? Ивана они знали как человека здорового, щедрого и к животным питающего самые теплые чувства. С тех пор как он поселился в этом доме несколько месяцев назад, ни один из дворовых котов не остался голодным.

— Полезные животные. Их беречь надо! — отвечал он на возмущенные речи молоденькой Кати, которая объявила себя старшей по дому.

— Вот вы их прикармливаете, а они потом гадят где попало! И вообще! Мы никогда от них не избавимся, пока будут такие доброты как вы!

— А зачем от них избавляться? Мышей-то сама ловить будешь?

— Каких мышей?! Нет у нас никаких мышей! Я службу специальную вызывала!

— Так лето сейчас. А по осени — посмотришь. Дом наш на краю города. Чуть дальше поля. Куда мышам деваться?

— И все-то вы знаете!

— В деревне жил. У бабушки. Оттого и знаю. А котов не тронь. Я сказал. Пусть живут! Их тут не десяток, а всего три. Да и старые уже. Котят не наделают.

— Откуда вы это знаете?!

— Так я их в клинику возил. Обидели их там. Теперь потомства не дадут.

— Если вы такой добренький, так и возьмите их к себе!

— Не могу. — Иван грустно улыбался и подкручивал ус. — У Сашеньки аллергия.

Катя возмущенно фыркала и искала новый повод, чтобы придаться к соседу. Но с каждым днем поиски становились все труднее. К удивлению Кати, соседи с Иваном ругаться наотрез отказывались.

— Я не понимаю, что происходит! Раньше только и слышала: «наведи порядок»! А теперь что? — Катя, потрясая пачкой бюллетеней, возмущенно вздыхала.

— Катюша, так и наводи! Кто тебе мешает? — Татьяна пожимала плечами, подписывая очередной опрос, проводимый ТСЖ. — Только не понимаю я, почему ты к Ивану пристала? Чем он тебе не угодил? Хороший же человек!

— Ну откуда вы знаете, что он хороший?!

— Так видно! Если человек живет по совести, то он — хороший. — Татьяна удивленно смотрела на Катю. — Неужели непонятно?

— Нет! Непонятно! Вот вы говорите «по совести». А это как? Да и вообще, что он за человек такой? Четверо детей, а живет сам, без женщины!

— Мало ли, что в жизни бывает. Случилось так, что женщины нет рядом. Зато дети есть.

— Странно это все. Дети на него не похожи совершенно! Младшие вообще непонятно от кого! Вы глаза их видели?

— Так, может, у мамы такие были.

— Ага! А с остальными как? У них-то не раскосые! Да и старшая дочь — блондинка! Это как?

— А никак! У Иваныча-то только усы густые, а голова как коленка — лысая! Мало ли какие кудри на ней росли! Может и он блондином был?

— Ой, Татьяна Григорьевна, что вы глупости говорите?! Понятно же, что дети не его! Или, по крайней мере, не все его родные. Нечисто там все, и вы это тоже понимаете! Вот только почему-то пытаетесь защитить его. Зачем? Я бы уже давно к участковому сходила и потребовала выяснить все.

— А почему не сходишь?

— Так не даете! Знаете, как меня Вера Платоновна отругала за эту затею?! Сказала не совать свой длинный нос в чужие дела! Вот! А разве это чужие дела? А если рядом с нами что-то нехорошее творится? Тогда как?

— Ох, Катя! Вот ты молодая вроде, деятельная, а такая... Замуж тебе пора! Вот! И детей рожать! Чтобы голова была делом занята! Почему ты о людях так думаешь? Почему только плохо может быть и никак иначе?! — Татьяна изменила своим принципам и впервые в жизни заговорила так, как когда-то учила ее бабушка.

— Не спускай глупости человеческой, если тебя коснуться попытается. Сама не лезь на рожон, но если услышишь, как при тебе хорошего человека с грязью мешают — не молчи!

— Почему, ба?

— Потому что в следующий раз сама можешь оказаться на его месте и никто за тебя не заступится. Мало добра в мире стало. Ох, как мало! Люди злые. Пальцем показать, оговорить — ничего не стоит! А отмыться потом сложно. И никто не знает, как это злое слово, брошенное впустую, жизнь человеку повернет. Понимаешь?

Таня, которой на момент разговора было всего тринадцать, ничего особо не поняла. Это уже позже, когда Татьяна стала гораздо старше, бабушка ей рассказала свою историю.

— Папа мой врачом был. Хорошим врачом. Очень хорошим. Оперировал, науку вперед двигал. Да только не нравился многим. Работать умел. Вот и оговорили его. Да так, что чуть по этапу не пошел. Если бы не его учитель, который не побоялся вступить, рискуя потерять все — репутацию, карьеру, имя,

папа мой так меня и не увидел бы. Я ведь родилась, когда все это случилось и он ожидал суда. Вот так бывает в жизни, Танечка. Чужой человек встал на защиту и бился до конца, пока не восстановил реноме моего отца. И он же после уговорил папу вернуться в профессию. И способ выбрал для этого очень интересный. Знаешь, что он сделал?

— Что?

— Подарил отцу тетрадь. Обычную такую, толстую тетрадку, в какой студенты пишут. И приказал записывать туда имена людей, которым папа еще поможет. Сделал операцию, спас человека — запиши! И еще сказал, что отец должен помнить — кроме этого имени, рядом незримо будут стоять еще и другие. Детей, матери, жены, родственников, друзей. Всякое, конечно, бывает, но обычно чья-то операция — это надежда не только для пациента, но и для его близких. Что он жив останется. Что еще какое-то время ему отмеряно будет рядом с теми, кто его любит...

— И дедушка это делал?

— Конечно. А когда его не стало, я эту тетрадь нашла... Она была больше чем наполовину исписана, понимаешь?

Разговор этот Татьяна помнила очень хорошо. Поэтому и не смолчала. Катя, конечно, на нее обиделась, но Татьяне было уже все равно.

Она решила действовать. Ведь как она сможет защитить Ивана, если ничего о нем не знает? А если чего-то не знаешь, что надо сделать? Правильно — спросить! И не у кого-то, как Катя придумала, а у самого Ивана.

В выходной день Татьяна испекла свой фирменный пирог и пошла знакомиться с новым соседом.

Конечно, «новым» его назвать можно было с натяжкой. Все-таки Иван уже несколько месяцев жил рядом. Вежливо здоровался, в помощи, если просили, не отказывал, но в гости к себе никого не звал и близких отношений ни с кем не заводил.

Визит Татьяны, впрочем, он оценил правильно. Распахнул дверь шире и махнул рукой:

— Проходи!

Это прозвучало так просто, что Татьяна, которая работала в школе и привыкла называть всех вокруг по имени-отчеству, даже не обратила внимания поначалу, что сосед перешел с ней на «ты».

Пирог был принят с восторгом и благодарностью. Девтора засуетилась на кухне, готовя чай, а Иван поманил Татьяну за собой.

— Пойдем, покажу тебе, как мы живем.

Квартира Татьяну поразила. Светлая, чистая, все на своих местах. В детских был такой порядок, что она от удивления открыла рот.

— Что ты застыла?

— Иван, как?! Поделись своим секретом! Вот прямо сейчас мне расскажи, как тебе это удастся?!

— Что? — Иван искренне недоумевал, глядя, как Татьяна, открыв рот от восторга, озирается по сторонам.

— Так воспитывать детей! Я — педагог. У меня диплом и не один, куча всяких грамот и благодарностей, но если бы ты видел, что творится в комнате у моих девчонок! Там же будто Мамай прошел! И неважно, была там уборка пять минут назад или нет. А у тебя тоже две девочки и такой порядок!

— Мне проще. У меня девчонки разного возраста. А у тебя погодки, так?

— Так.

— В том и разница. Дианка маленькая еще и Саша ей помогает, конечно. Уборка в комнате пока на старшей. Хотя она потихонечку Диану приучает вещи складывать и за собой убирать. Нет никакого секрета, Таня. Давай я тебе нашу историю расскажу, и ты все поймешь. Тебе можно.

— Рассказать?

— Да. Я не всякого в дом пускаю. Люди ведь разные. Не всякий с добром придет.

— А почему ты решил, что я с добром пришла? Из-за пирога?

— И из-за него тоже! — Иван рассмеялся. — Нет, конечно. Потому что ты пришла. Вот так запросто, не собирая сплетни по углам. Пришла спросить, ведь так?

— Так.

— Вот я тебе и отвечу. Если что интересно будет — спрашивай, не стесняйся. Если где промолчу — значит не хочу говорить на эту тему. Да что я тебе объясняю, ты и так все понимаешь. Пойдем!

В гостиной, которая была и комнатой Ивана, уже был накрыт стол и восемь внимательных глаз устали на Татьяну, когда она вошла туда вслед за хозяином квартиры.

— Знакомься, Таня. Александра, Олег, Роберт и Диана.

— Очень приятно с вами познакомиться!

— Почему? — Роберт, мальчик с ясными, чуть раскосыми глазами, наклонил голову и пожал плечами. — Почему нужно говорить, что приятно познакомиться? А если нет?

— Ты хочешь, чтобы я ушла? — Татьяна чуть напряглась.

— Нет! Просто мне интересно, зачем так говорить?

— Это форма вежливого ответа. Есть такое слово — этикет. Знаешь, что это такое?

Разговор пошел дальше, и Татьяна начала понимать — она попала в дом, где все ей интересно. И этот мужчина, и его дети, и как все здесь устроено.

Чай был выпит, пирог съеден, девочки убрали со стола и ушли в свою комнату. Роберт очень серьезно пожал руку Татьяне и спросил:

— А вы в нашей школе работаете? Я вас там не видел.

— Нет, Роберт, в гимназии в центре города.

— Жаль. Я хотел бы, чтобы вы учили меня. Вы интересно рассказываете.

— Спасибо! Ты очень любезен.

— Это тоже форма вежливого ответа?

— Да.

— Хорошо. Я запомню.

Иван кивнул сыну, и мальчишки тоже ушли, а Татьяна повернулась к хозяину дома:

— Расскажешь?

— Конечно. Ты ведь для этого пришла. Спрашивай. Я не умею хорошо говорить. На вопросы отвечать легче.

— Хорошо... — Татьяна задумалась, а потом все-таки решила не ходить вокруг да около. — Они ведь не все твой?

— Угадала. Я тебе даже больше скажу. Все они мои дети, но ни один из них по крови не мой. Удивил я тебя?

— Не то слово!

— А вот так в жизни бывает. Я ведь тот еще гуляка! Сейчас-то уже, конечно, остепенился, а по молодости был — ух! Люблю смотреть на красивое! На море, небо, цветы, детей и,

конечно, на женщин! Только вот мама меня так воспитала, что смотреть просто так я не умею. Чего попусту пялиться, если женщина тебе нравится? Действовать же надо! Вот я и женился на каждой из своих «любовей». Сначала на Сашиной матери. Мы познакомились, когда я приехал на Север в командировку. Глупый был, молодой. Понятия не имел, куда подался и зачем. Хотелось славы и денег. Я ведь журналист. Слышала поговорку: «Волка ноги кормят»? Вот это про меня в те годы. Мотался по всей стране, выискивая интересные сюжеты для своих очерков. Вот и туда приехал, чтобы написать очередную статью, да только чуть было там и не остался. Сашкина мама меня спасла. А то замерз бы там к чертовой матери, едва выйдя из здания аэропорта.

— Почему?

— Так Север же. Я из Москвы уезжал — там середина осени, тепло еще. Умные люди говорили мне, что вещи с собой теплые надо брать, но я решил, что ни к чему это. Лечу-то на пару дней. Зачем с собой лишнее таскать? Куртку, конечно, надел потеплее, а вот ни перчаток, ни ботинок теплых взять с собой не додумался. Меня должны были встретить, но что-то там не срослось и пришлось добираться до места самому. Я сунулся было найти такси, но не учел местную специфику. Пока слонялся у аэровокзала, замерз так, что уже и соображать перестал толком. А ведь времени прошло всего ничего. Просто очень холодно там. Морозы уже стояли. А я, считай, раздетый. Сашина мать меня увидела, когда с работы возвращалась. Она стюардеской работала. Ахнула, за руку схватила, и бежать. Сильная была! Бежит и меня за собой тащит! А я еле ноги передвигаю уже, так замерз. Потом уже она спросила, почему я в здание аэровокзала не вернулся, когда машину сразу не нашел, а мне и ответить нечего. Совсем голова не соображала. Страшно это. Я потом понял, что там нельзя на месте стоять. Двигаться нужно. Там для меня выражение: «Движение — жизнь!» стало по-настоящему понятным. Тебя словно выключают. Становится все равно, куда идти и что делать. Хочется просто сесть где-нибудь, а лучше даже лечь и закрыть глаза. А так нельзя! Но я-то об этом ничего не знал! Марина, так мать Саши звали, меня к себе тогда увезла. Поняла, что лучше за мной присмотреть. Она очень простая была, открытая. Заставила меня съесть полбанки малинового

варенья, напоила чаем, накормила пельменями и уложила спать. А на следующий день достала отцовские варежки на меху, большие такие, и шапку. Заставила меня все это надеть и выдала еще в придачу унты. А меня смех укрыл, когда я представил, на кого похож во всей этой амуниции. Марина мне у виска покрутила и отправила по делам, наказав вечером прибыть с отчетом. Вот так мы и познакомились. О том, что у нее дочь есть, я узнал не сразу. Девочка у соседки жила, когда мать в рейс уходила.

— Не испугало тебя наличие ребенка?

— Нет. Я же говорю, молодой был. И разве это трудность какая? Ребенок... Подумаешь! Марина меня покорила своей непосредственностью и теплотой. Она была... Солнышко. Нежное такое, ласковое. Не сибирское совсем. Всех любила вокруг. Дочку, меня, маму свою, подруг. Муж ее бросил, но она и его умудрилась простить. Говорила, что сердцу не прикажешь любить. Если прошли чувства, то зачем мучиться? Кому от этого хорошо будет? Я ее не понимал тогда. Потом понял. Жаль, что поздно.

— Почему?

— Мы сошлись. Она переехала ко мне в Москву. А через четыре года мы узнали, что у нее проблемы со здоровьем. Боролись, конечно, но врачи не боги. Могут не все...

Иван отвернулся, и долгая пауза повисла, словно безмолвно продолжая рассказывать обо всем пережитом им.

— Саше тогда было всего девять. Она перестала спать по ночам. Плакала в подушку, а говорить со мной отказывалась. Боялась.

— Чего?

— Что я ее к отцу отправлю. У него другая семья уже была к тому времени. Двое детей. Саша как-то раз туда в гости съездила по настоянию Марины. Та все мечтала, что дочь с отцом общаться будет. Но оказалось, что желание это было только с Маринкиной стороны. Не получилось там никакой любви и мира. Саша вернулась тогда на неделю раньше, несмотря на то, что билетов не было и отцу пришлось договариваться с проводниками, чтобы посадить ее на поезд.

— Он что, отправил ребенка одного?! — Татьяна даже рот открыла от изумления.

— Да. Восьмилетнюю девчонку через полстраны! Представляешь? Маринка тогда впервые перестала быть ласковым

солнышком. Она стала светилом, которое чуть не выжгло все вокруг... С отцом Саша больше не общалась. И сама не хотела, и Марина была против.

— И как вы решили?

— С Сашкой? Не без труда. Пока Марина по больницам кочевала, я ездил к нему. Уговорил написать отказ от ребенка, а потом удочерил Сашу. Понимал, что ее со мной не оставят, если с Мариной что-то случится. Сложно было, но друзья помогли. Мой одноклассник бывший хорошим юристом стал. Вот он и помог. Саша официально стала моей дочерью, а еще через полгода Марины не стало.

— Это очень страшно... Такая молодая женщина...

— Слишком молодая. Она все сокрушалась, что мало успела. Мечтала увидеть дочку на выпускном... Не получилось... — Иван кивнул на фотографию красивой зеленоглазой женщины, висевшую на стене. — Вот она, моя Маришка! Красивая, правда?

— Очень! — Татьяна кивнула, разглядывая портрет. — Саша на нее похожа.

— Да! Такая же растет. Красивая и добрая. Надежная... Вся в мать... Если бы не она, я не знаю, как справлялся бы с младшими. Саша у нас главная. Ей всего шестнадцать, а она всегда знает, как лучше. Вот откуда что берется? Не знаю. Но без нее я бы точно не справился!

— А другие дети? Они ведь тоже не твои? — Татьяна прислушалась к смеху, доносящемуся из детской.

— Угадала. Хотя снова мы не о том. Мои они! А чьи же? Я им отец.

— И хороший, как я погляжу. Вань, а откуда у тебя столько-то?

— Олежка и младшие от второй жены.

— Не похожи они на родных.

— Так и есть. Олег Свете не родной сын. Племянник. А Роберт с Дианкой — ее дети от первого брака. Закручено?

— Не то слово!

— А там вообще все сложно было. Мы жили рядом. Соседи. Я же квартиру свою, родительскую продал, когда Марина болела. Купил поменьше в другом районе. Да, не центр, но район неплохой. Метро рядом. И клиника, где Марина наблюдалась.

Плохо было только то, что никого мы там не знали. Мамы ни моей, ни Маринкиной уже не было к тому времени, помочь некому, а Сашку одну оставлять нельзя было. Вот Света и помогла мне с дочкой, когда я по командировкам мотался. Считай, няней у меня работала. Я ей платил за это дело. Пока не узнал, что она выпивает.

— Как это? — ахнула Татьяна. — А дети?! Она при них?

— Нет, притона у нее не было. Она в свой дом никого не пускала. Но могла уйти почти на сутки, оставив детей одних.

— Как же это...

— А вот так. Беда там была с этим делом. У нее все в семье выпить любили. И сестра, от которой в наследство Светке Олежка достался, и родители. Сестра под машину попала по пьяни. Шла домой, к сыну, да так и не дошла. Мальчишка больше суток один просидел в квартире. Два года ему тогда было. Не помнит, конечно, ничего, но один оставаться боится до сих пор. Не любит. Ходит за мной или ребятами хвостом, чтобы одному в комнате не сидеть. Светлана, когда сестры не стало, еще в хорошем состоянии была. Оформила опеку над племянником, а через год замуж вышла. С мужем они хорошо жили. Он любил Светку. И к Олегу тоже привязался. Своих детей хотел. Роберт родился, потом Диана. А потом беда случилась. Отец их на стройке работал. Крановщиком был. Зарабатывал хорошо, да и уважали его там. Хорошим специалистом числился. Что уж там случилось, так и не разобрались, но кран упал.

— Да как же это? — Татьяна оглянулась, опасаясь, что кто-то из детей услышит их разговор.

— Они все знают, — правильно истолковал ее беспокойство Иван. — Я ничего от детей не скрываю. Раз совершь или недоговоришь, и пиши-пропало. Не поверят тебе больше! А я не могу так. Им, кроме меня, в этом мире верить некому. Родни-то больше нет.

— Ваня, а как же дети у тебя оказались?

— А очень просто. Света сорвалась тогда. Стала пить. Мы с ней познакомились, когда едва полгода прошло после того, как мужа она потеряла. Год где-то знали, а потом я понял, что спасать ее надо. Нельзя смотреть просто так, как человек уходит. Ее уже и дети не держали. Сашка моя плакала, просила ей помочь. Света ведь добрая очень была. Умела сердцем согреть.

Вот и Сашу мою приняла как родную. Когда трезвая была, умела поговорить так, чтобы душа порадовалась. А Саше этого так не хватало... Мамы не стало, я работал много. Все волновался, что не смогу ее обеспечить так, как нужно. Девочка же...

— Вы со Светой узаконили отношения?

— Да. Она стала моей женой. Жаль, что ненадолго.

— Что с ней случилось?

— То же самое, что и с сестрой. Карма у них такая, что ли...

Не знаю, как назвать еще такое совпадение. Я уехал в очередную командировку. И даже не очень переживал. Света к тому времени уже лечилась. Мечтала, что одолеет эту напасть. Держалась, как могла. Почему в тот день она оказалась в старой своей компании? Я не знаю. Саша говорила, что с утра все было как обычно. Завтраком накормила всех, младших в сад отвела. Собиралась на работу. Но так туда и не дошла. Пропала. Старшие из школы пришли и поняли, что что-то неладно. Света почему-то бульон на плите оставила. Хорошо еще, что они вовремя вернулись. Там уже на доньшке оставалось. Еще чуть — и пожар. Саша суп доварила, Олега накормила, младших из сада забрала, а потом позвонила мне. Когда самолет в Москве сел, я уже знал, что случилось. Домой боялся ехать. Не знал, как детям расскажу...

— Какое горе...

— Да... И ни одного ответа. Я ведь нашел тех, с кем она была в тот день. Они мне ничего вразумительного сказать не смогли, кроме одного.

— Чего же?

— Она странной была в тот день. Пробыла с ними совсем недолго и все говорила, что в последний раз. Так и оказалось...

Они помолчали. Из детской доносился смех и азартные возгласы. Детвора играла в какую-то настольную игру.

— А потом? — Таня поежилась. Рассказанное Иваном вызвало у нее самые противоречивые чувства.

— А что потом? Мне пришлось очень постараться, чтобы дети остались со мной. Я не мог их отдать, понимаешь? Да, не мои они, но к тому времени меня отцом звали уже все, не только Сашка. Как я мог их бросить? Вот так и живем! Сложно, врать не буду. Не в лесу ведь живем. Люди разные попадают на пути. Очень разные. Нам пришлось переехать снова, что-

бы на детей пальцем никто не показывал. Но оно и к лучшему. Квартира больше, да и работа у меня хорошая теперь. Могу больше времени с детьми проводить. Не все у меня получается, конечно. Но я делаю, что могу.

— И это немало, Ваня. Немало... Дети у тебя замечательные. И им очень повезло, что судьба так их пожалела и выдала им такого родителя как ты. Поверь, я знаю, о чем говорю. Я много отцов видела за то время, пока в школе работаю. А еще я ведь тоже мама. И знаю, как тяжело с детьми бывает. А потому, если нужна будет помощь — не стесняйся. Обращайся. Это не формально сейчас сказано, и я хочу, чтобы ты это понял.

— Я знаю.

— Откуда?

— Научился за столько-то лет немного в людях разбираться. Тань, а если я прямо сейчас твоим предложением и воспользуюсь? Помоги мне Роберта в гимназию устроить. Я ходил на прием к директору, но мне отказали. А у сына голова светлая. Я хочу, чтобы он учился!

— Я заметила, что у него голова светлая! — Татьяна рассмеялась. — Он очень любознательный мальчик! Помогу, конечно. Не вопрос.

— Спасибо!

— Нет. Это тебе спасибо за то, что ты... Человек, Ваня. Ты — человек! И пока такие как ты есть, и мир этот стоять будет. Немного пафосно прозвучало, но я так думаю. А сейчас пора мне. Засиделась. Скоро девчонки мои с тренировки придут. Я позвоню!

Татьяна ушла, а Иван долго еще сидел на кухне, пытаясь успокоиться. Ведь это был первый раз, когда он настолько откровенно рассказал кому-то о своей жизни.

В кухню заглянула Диана, посмотрела внимательно на отца и залезла к нему на колени. Обняла за шею, заставляя нагнуть голову, и прошептала в ухо тихо-тихо, чтобы только папа услышал:

— Ты — хороший!

Это было больше года назад. А сейчас этот просто хороший человек, с донельзя простым именем и фамилией, свистнул еще раз, прислушиваясь, захлопнул капот и махнул рукой выглянувшему из-за угла дома Олегу.

— Дуй сюда! И Роберта зови. У нас времени мало.

И когда Вера Платоновна вернулась от дочери, то ахнула.

Нарядный белый штaketник вокруг ее цветника был прекрасен. Диана возила кисточкой, докрашивая последние дощечки, а Олег бросил собирать инструменты и подошел к соседке, чтобы извиниться.

— Мы цветы завтра посадим новые. Теперь их никто не затопчет. Мы их это... Мячиком. Нечаянно...

Вера Платоновна покачала головой, все еще любуясь на то, о чем мечтала, но позволить себе не могла, а потом глянула строго на Олега:

— Отец где?

Олег понурился и махнул рукой в сторону гаража.

— Машину ремонтирует.

— Пойду.

— Ругаться будете?

— Спасибо ему скажу. Хороших людей растит. Правильных. Мои цветочки, конечно, красивые, но не такие, как вы. Ох, Олежка, как же вам повезло с батей!

— Знаю! Мы все это знаем! — Олег расцвел улыбкой, а Диана рассмеялась так звонко, что снова шархнулись в небо перепуганные воробьи и коты лениво дернули хвостами, просыпаясь.